

УДК 81'42:821.161.1-94

**ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРТЕКСТА
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В. КОРСАКА «ПЛЕН»)**

Коваленко Е. И.

УО «ВГУ имени П. М. Машерова»,
г. Витебск, Беларусь
E-mail: katja.p92@mail.ru

Жанровое обозначение произведения является его текстовым маркером, поскольку для автора жанр служит своего рода канон или творческой моделью, представляющей совокупность основных (ядерных) компонентов, характерных и воспроизводимых в структуре различных текстов одного жанра. К интертекстуальным ядерным элементам мемуарного жанра, на наш взгляд, следует отнести письма, документы, фрагменты дневников, чужие рассказы, – т. е. прежде всего интертекстуальные компоненты связаны с документальным характером мемуарной прозы и с её установкой на достоверность. Однако используя «жанровый потенциал» при создании произведения, каждый автор чаще всего придаёт им индивидуальный характер. В настоящей статье рассматривается одно из произведений мемуарного жанра – «Плен» В. Корсака¹ – в аспекте функционирования в нём индивидуально-авторских элементов интертекста.

Ключевые слова: мемуарный жанр, интертекстуальность, индивидуально-авторские характеристики, интермедийные связи.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на новизну термина «интертекстуальность», предложенного семиотиками Р. Бартом [3] и Ю. Кристевой [6], обозначаемое этим термином явление «текста в тексте» было открыто ещё М. М. Бахтиным и описано им в работах, посвящённых диалогичности художественного текста. Многообразие существующих интертекстуальных концепций можно объединить в две группы: в широком плане интертекстуальность понимается как универсальное свойство текста, позволяющее рассмотрение всякого текста как интертекста (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Деррида, М. Риффатер, Ю. М. Лотман и другие); в узком плане – как функционально обусловленное специфическое качество определённых текстов (Н. А. Кузьмина, Н. А. Фатеева, В. Е. Чернявская и другие) [2]. В нашем исследовании мы

---

¹В. Корсак – псевдоним русского писателя Вениамина Валериановича Завадского. В 1922 году писатель по политическим причинам эмигрировал в Париж, где был написан цикл мемуарных произведений под псевдонимом «В. Корсак» [3].

руководствуемся определением термина «интертекстуальность», предложенным Е. А. Баженовой: «Интертекстуальность – текстовая категория, отражающая соотношенность одного текста с другим, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [2, с. 104].

Большинство работ, посвященных исследованию интертекстуальности, выполнено на материале художественной литературы. **Целью** предлагаемой статьи является описание характера интертекстуальности, типов интертекстов и их функций в структуре мемуарного текста с документальной первоосновой.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как правило, уже само **заглавие произведения** обладает интертекстуальным потенциалом. Так, заглавие «Плен» («Плѣнь»² [5, с. 2]) представлено в форме имени существительного и имеет следующее значение: «Состояние порабощённости, в котором находится человек, захваченный противником и лишённый свободы» [8, с. 423]. Данное заглавие осложнено **эпиграфом** ко всему произведению:

«In proelio captus

Capī aut mori

Aufugere turpe.

Isnabel 1674». (Надпись на стѣнѣ въ башнѣ Венсенскаго замка) [5, с. 2].

Данный эпиграф на латинском языке представлен в форме прямой цитаты и имеет следующее значение: «Постыдно бежать с поля боя, лучше погибнуть или быть взятым в плен». Автор указал источник цитирования (надпись на стене Венсенского замка, датируемая 1674 годом³), который также является элементом интертекста. В совокупности заглавие и эпиграф в исследуемом мемуарном произведении

---

² При цитировании анализируемого произведения, а также ряда других источников сохранена оригинальная орфография, в ряде случаев отличающаяся от орфографических норм современного русского языка.

³ Венсенский замок – замок в Париже. В блистательную эпоху Короля-Солнца Людовика XIV (1643–1715) Венсенский замок был третьей по важности королевской резиденцией, а высокая башня замка использовалась в качестве тюрьмы для опальной знати. Это даёт основания предположить, что надпись на стене башни, использованная В. Корсаком в качестве эпиграфа, была оставлена одним из заключённых короля Людовика XIV.

определяют тематику воспоминаний, а эпитафия свидетельствует о широком кругозоре автора и стимулирует активность читателя.

Источниками интертекста в произведении «Плен» выступают **отсылки к мифологиям разных народов** (представлены в 6 контекстах). В 4 контекстах мифологемы использованы в качестве метафор, сравнений: «<...> лошади были кряжистыя, здоровенныя, впору хоть самому *Святогору* <...>» [5, с. 34]; «Мѣстность безрадостная, какъ берега *Стикса*, но тамъ хоть *Харонъ* былъ <...>» [5, с. 226].

В двух контекстах, описывающих сновидения повествователя, использованы образы мифических персонажей: «Въ синемъ, безконечномъ пространствѣ летали жаръ-птицы. Онѣ присаживались на удивительныя пальмы и пѣли. Душа прислушивалась къ нимъ и наслаждалась блаженствомъ» [5, с. 49]. Присутствие этой сказочной птицы во сне повествователя может быть объяснено его стремлением к обретению покоя, гармонии, умиротворения, которые недостижимы в реальности, как неуловимые жар-птицы [5, с. 49].

Следующий фрагмент также описывает одно из сновидений повествователя: «Сонъ перенесъ меня въ безконечныя степи. <...> Раздался топотъ и ржаніе. Прибѣжалъ бѣлый конь съ серебряными крыльями; на спинѣ у него сидѣла *валькирія*, уцѣпившись за гриву. <...> Мигъ – и я на конѣ. Раздался боевой клич. <...> Неудержимый порывъ кверху. <...> порвалась связь съ земнымъ; на мигъ предстали безсмертіе и вѣчность...» [5, с. 165]. Образ валькирии на крылатом коне символизирует стремление повествователя к скорейшему освобождению из плена и возвращению домой.

В первой группе рассмотренных контекстов мифологические имена собственные выполняют наглядно-примерную функцию и устанавливают прямую образную параллель. Во второй группе мифологические образы выступают как средство символизации определённых эмоциональных состояний мемуариста. Кроме того, использование автором мифологем свидетельствует о его начитанности и образованности, а также является одним из средств побуждения читателя к активному восприятию.

В исследуемом мемуарном произведении в 13 фрагментах нами выявлены элементы интертекста, отсылающие к Священному Писанию, обрядам православной церкви, библейским мотивам и т. п. В 4 контекстах такие элементы представлены в качестве метафор, сравнений, дополняющих описание внешнего сходства или характера персонажей: «Другой капитанъ, <...> цѣлыми часами молча шагаль въ самомъ темномъ углу огромной столовой <...>. Звали его у насъ: «*часовой у Гроба Господня*⁴»; это очень ему шло» [5, с. 68]. Данные элементы интертекста употреблены в наглядно-примерной функции.

В трёх контекстах цитируются заповеди из Евангелия: «Острымъ, рвущимъ клиномъ прошло черезъ душу сознание и моею собственной, невольной вины передъ тѣми, кто палъ здѣсь. <...> Внутри, изъ конца въ конецъ сотрясая все тѣло, прокатилось:

– «*Не убій!...*» [5, с. 23].

Данные интертекстуальные элементы обобщают частные воспоминания повествователя и служат ёмкой формулой генерализации его эмоций, переживаний, оценок. Кроме того, отсылки к Священному Писанию свидетельствуют о том, что автор – человек верующий.

В четырёх контекстах описываются обряды и богослужения, проводимые в небольшой церкви, которую организовали православные военнопленные. Один из этих интертекстов представлен в форме цитирования молитвы «О мире»: «Много народа сходилось на богослужение. <...> Съ особымъ чувствомъ и вниманиемъ плѣнные прислушивались къ словамъ:

– *О миръ всего міра...*

– *О плавающихъ, недугующихъ, страждущихъ, плѣнныхъ...*» [5, с. 143].

Данные элементы интертекста подчеркивают важность церкви в жизни повествователя и других персонажей, которая давала им веру в годы пленения, надежду на скорейшее вызволение, напоминала о доме и родных: «Это небольшая комната, преобразованная въ церковь, казалась уголкомъ Россіи. Тихое позвякивание

---

⁴Описанная в Евангелии от Матфея стража, приставленная охранять гробницу Христа после его погребения.

кадила, запахъ ладана, голосъ священника, пѣніе хора, – все это было свое, родное, далекое, незабываемое» [5, с. 142].

В двух выделенных фрагментах религия и вера становятся предметом оценок и размышлений повествователя: «По сосѣдству съ нами жили католическіе монахи и преторы. <...> Намъ они казались страшными формалистами. <...> одинъ изъ нихъ сообщил мнѣ, что за истекшій день онъ прочиталь 30 или 300 разъ (<...>) Ave Maria. Такое усердіе онъ, видимо, ставилъ себѣ въ большую заслугу <...>. Я ему отвѣтилъ *притчей о гордомъ фарисеѣ*, исполнявшемъ всѣ предписанія закона, и *смирномъ мытарѣ*⁵» [5, с. 144–145]. В одном фрагменте в форме диалога-спора персонажей поднимается вопрос о существовании Бога:

«– Кабы не было бы Христа, такъ не было бы ни церковей, ни поповъ. Не зря народъ строилъ. <...>, – отвѣтилъ чей то голосъ.

– Такъ, это все для того, чтобы васъ, дураковъ, держать покрѣпче, – отвѣтилъ Либерманъ. – Все это поповскія выдумки, что Богъ есть, что святой Духъ на Марию сходилъ. <...>.

– <...>.

– Либерманъ, – и въ голосъ Волкова зазвенѣлъ металлъ, – ты хочешь отнять у людей Бога. Берегись!.. <...> Кто удержитъ челоуѣка, если у него внутри не будетъ Бога, не будетъ совѣсти?..» [5, с. 235–236].

Рассмотренные элементы интертекста свидетельствуют об интересе повествователя к извечным вопросам веры и религии, а также вовлекают в диалог читателя, апеллируют к его мнению.

Источниками интертекста в исследуемой мемуарной повести выступают также **произведения художественной и нехудожественной литературы**. Нами выявлено 10 контекстов с подобными интертекстуальными элементами:

а) в двух контекстах представлены отсылки к известным произведениям без указания имен их авторов: «Саламатинъ, обладавший прекрасной памятью, читаль мнѣ наизусть цѣлыя страницы изъ *«Анны Карениной»*, *«Войны и мира»*, *«Дѣтства и*

---

⁵Одна из известных притч Иисуса Христа, упоминаемая в Евангелие от Луки. Она рассказывает о важности искреннего покаяния и обличает гордость.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРТЕКСТА...

отрочества». <...> Припоминали «Демона»: его тоску, любовь, клятвы, коварство...» [5, с. 65]; «– <...> Чтобы прочесть въ подлинникѣ «*Капиталь*», онъ долго изучалъ нѣмецкій языкъ» [5, с. 152];

б) в четырёх контекстах указаны имена авторов с отсылкой к их произведениям или трудам: «Самый большой успѣхъ имѣлъ *Барковъ*, потомъ *Толстой*; запрещенныя прозвѣдѣнія *Пушкина* и *Лермонтова* оказались намъ давно извѣстными; <...>» [5, 80]; «Захлопали тяжелые словари *Павловскаго*, *Макарова*, *Александрова*» [5, с. 108];

в) в двух контекстах представлены названия произведений и научных трудов с указанием имен их авторов: «Тутъ была «*Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи*» *Туна*, полное «*Воскресеніе*» *Толстого*, <...>» [5, с. 80];

г) в одном контексте цитируются строки из «Евгенія Онегина»: «<...> мы повторяли, заученныя когда то, простыя, но удивительныя строки:

*На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
Задумавъ плыть по лону водъ,
Ступаетъ бережно на ледъ.*

<...>» [5, 65];

д) подводя итог одного из фрагментов текста, автор процитировал последнюю строку из сатирической поэмы В. А. Жуковского «Война мышей и лягушек», возможно, проецируя абсурдность описанной им ситуации на содержание данного литературного произведения, высмеивающего человеческую мелочность, склонность к ссорам, скандалам: «Какъ то вечеромъ, <...>, мы устроили маскарадъ; *Бабинь* замаскировался <...> русской боярышней. <...> Ряженые ходили повсюду и вездѣ имѣли успѣхъ. <...> Ряженыхъ ротмистръ встрѣтилъ наставленіями.

– Въ то время, когда на фронтѣ льется кровь и гибнуть люди...

Дальше была Россія, офицерскій мундиръ и т. д. <...> Самолюбивый *Бабинь* вспыхнулъ.

– Заниматься шпионствомъ, читать *Баркова* – нестыдно, это не унижает офицерскаго мундира, а просто повеселиться позорно?!

«*Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою*»...» [5, с. 81–82];

е) в двух контекстах представлены отсылки к героям произведений, которые выступают в качестве сравнений и дополняют описания персонажей: «Вскорѣ послѣ кофѣ появился другой гауптман, высокій, унылый, тощій, очень *похожій на Дон-Кихота безъ доспѣховъ*» [5, с. 53].

Рассмотрев элементы интертекста, отсылающие к произведениям как художественной, так и нехудожественной литературы, можно сделать выводы об их функциональной нагруженности в мемуарной повести «Плен». Одни из них отражают литературные вкусы повествователя и персонажей, другие говорят об их интересах и хобби (например, упоминание двуязычных словарей свидетельствует об увлечении автора иностранными языками). Прямая цитата из «Евгения Онегина» выполняет орнаментальную, эстетическую функцию, а цитата из сатирической поэмы «Война мышей и лягушек» выступает как средство проецирования ситуации, описанной мемуаристом, на главную идею произведения В. А. Жуковского. Элементы интертекста, отсылающие к героям других произведений и использованные в качестве сравнений и метафор, выполняют наглядно-примерную функцию и устанавливают образные параллели. Все перечисленные интертекстуальные элементы тем или иным образом адресованы к читательскому тезаурусу, к имеющемуся у адресата фонду знаний.

Реминисценции и аллюзии, связанные с планом содержания или планом выражения других произведений, также принадлежат к интертекстуальным элементам. В мемуарной повести «Плен» нами выявлен фрагмент, в структуре которого задействована аллюзия, отсылающая к плану содержания «Слова о полку Игореве» (борьба киевских князей против половцев): «<...> для наведенія порядка въ уборныхъ они брали исключительно англійскіхъ солдатъ. <...>

Это самое учрежденіе, гдѣ попиралась британская гордость, было, кромѣ того, мѣстомъ *тихой, но упорной борьбы между свѣтлыми русичами*⁶ и *нѣмецкой*

---

⁶ «<...> в контексте «Слова о полку Игореве» русичи – это силы (войско) Дажь-Божа внука, предводителя русичей Игоря, потомка Владимира Красное Солнце-Дажь-Бога, «одного отца дети», крестителя Руси великого князя киевского Владимира. Заметим, что форма русичи встречена в единственном источнике – в Слове о полку Игореве» [4].

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРТЕКСТА...

комендатурой. <...> Внутри имѣлся рядъ кабинетиковъ, по-нѣмецки чистенькихъ <...>. Сидѣнія были безупречны.

Но свѣтлыя русичи не пожелали садиться на одну доску даже со своими союзниками, и вскорѣ сидѣнія были запачканы не одними только сапогами» [5, с. 77];

«<...> Изобрѣтательному Вальтеру пришла въ голову мысль устроить покатыя сидѣнія. <...> Не помогло. Свѣтлыя русичи упирались *руками въ стѣны, слетали часто съ сидѣній, лбомъ открывая двери, но оставались вѣрными себѣ* <...>» [5, с. 78].

Данная аллюзия участвует в создании комического эффекта на отдельном текстовом участке произведения.

В исследуемом произведении представлена также и реминисценция. Для создания полилингвального колорита В. Корсак использует в произведении иноязычные вкрапления на немецком, французском и английском языках. Особенно выделяются приёмы авторской обработки прямой речи персонажей, говорящих на иностранных языках. В одних случаях позиция В. Корсака – это «позиция объективного наблюдателя» [9, с. 63], отсюда – дословная передача немецкой или французской речи действующих лиц:

«– *Bitte, setzen Sie sich*, сказалъ онъ (фельдфебель – К. Е.) негромко» [5, с. 198].

В других случаях позиция автора по отношению к речи действующих лиц – «обрабатывающая», «позиция редактора» [9, с. 64], и отсюда речь, которая предполагается автором реально произнесённой на немецком, французском или английском языках, дается либо по-русски, либо в смешанной русско-иностранной форме, либо в форме смешанных диалогов (реплика – на русском, реплика – на иностранном языке):

«– *Они поютъ, какъ настоящіе артисты*, – сказалъ высокій *бельгіецъ*» [5, с. 83];

«– *Kein General Lagunoff*, здесь я старший (прямая речь коменданта фон Визе)» [5, с. 159].

Такой композиционно-стилистический приём мог быть заимствован В. Корсаком из структуры романа «Война и мир» Л. Н. Толстого, в котором подобным образом передаётся речь персонажей, говорящих по-французски. Вот, что

пишет по этому поводу Б. А. Успенский: «... реально произнесённая французская речь может передаваться в «Войне и мире» то непосредственно на французском языке, то в виде русской речи, то в виде смешанного русско-французского разговора» [9, с. 67–68].

Данная реминисценция, как представляется, может свидетельствовать о влиянии творчества Л. Н. Толстого как на языковую личность автора, так и на его мемуарное произведение, анализируемое в данном случае: «Во время карантина, мы съ Саламашей припоминали нашихъ великихъ писателей. <...> Саламатинъ, обладавший прекрасной памятью, читаль мнѣ наизусть цѣлыя страницы изъ «Анны Карениной», «Войны и мира», «Дѣтства и отрочества»» [5, с. 65].

Следует отметить, что «разгадка» аллюзий и реминисценций требует от адресата особо активной читательской позиции.

Отсылки к историческим фактам, событиям, предшествующим историческому периоду, описываемому в мемуарах, также являются элементами интертекста. В произведении В. Корсака представлены **три** фрагмента с подобными интертекстуальными элементами.

Один из них использован автором в качестве сравнения: «Вечеромъ Брехаловка шумѣла, какъ римскій форумъ. Тутъ все имѣли право говорить и слушать» [5, с. 79]. Автор сравнивает собрания пленных в коридоре корпуса, где обсуждались новости, слухи прошедшего дня, с Римским форумом, который являлся центром политической, религиозной и экономической жизни древних римлян. Таким образом, автор подчеркивает важность этих собраний для военнопленных.

В следующем фрагменте, описывающем сновидения повествователя, задействованы два элемента интертекста, которые, прежде всего, служат средством самоидентификации, самоанализа: «Отъ моего безпросвѣтнаго состоянія я не могъ даже *во снѣ* найти покоя. <...>

Я видѣлъ себя въ бѣломъ бурнусѣ, сидящимъ подѣ финиковой пальмой среди безграничной пустыни. Въ моей рукѣ былъ поводъ стоявшаго по близости верблюда. <...> Потомъ не разъ я видѣлъ себя римскимъ легіонеромъ, въ полномъ вооруженіи.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРТЕКСТА...

На мнѣ былъ панцырь, шлемъ, поножи; въ рукахъ я несъ тяжелое древко съ орлами» [5, с. 215–216].

Видя себя во снах в образах древнего араба и римлянина, повествователь осознает связь человека с предками, связь времен.

Один из фрагментов текста вводится посредством отсылки к значимым событиям в истории Российской Империи – к «эпохе великих реформ». Автор проецирует изменения и нововведения, предпринятые лагерным комендантом фон-Визе, на «великие реформы» Александра II. С одной стороны, возникает комический эффект, с другой – подчёркивается важность и значимость нововведений для военнопленных:

«Наступила *«эпоха великих реформъ»*. Самая главная заключалась въ томъ, что комендантъ согласился удалить кантинщика и дѣло продовольствія передать въ руки самихъ плѣнныхъ [5, с. 106];

Внизу была отведена комната, куда раза три въ нѣделю являлись книготорговцы. Они приносили съ собой массу книгъ <...>» [5, с. 107];

«Кромѣ того, комендатура вошла въ соглашеніе съ Пироговской библіотекой при Геттингемскомъ университетѣ» [5, с. 108];

«Устроив души и оборудовавъ дезинфекціонную камеру, комендатура объявила войну вшамъ <...>» [5, с. 110].

Таким образом, автор перечисляет все «реформы», осуществлённые комендантом лагеря.

Элементы интертекста, отсылающие к историческому осмыслению событий, выполняют следующие функции: создают образные параллели, проецируют ситуации, описываемые в мемуарах, на исторические события, апеллируют к фонду знаний читателя.

«Интертекстуальные связи произведений дополняются их **интермедиальными связями**, т. е. связями с другими родами искусства» [7, с. 371]. В произведении В. Корсака нами выделено 18 контекстов с отсылкой к музыкальному искусству:

а) в одном фрагменте повествователь описывает звучание мандолины: «<...> капитанъ бралъ *мандолину*.

Она тихо начинала звенѣть подѣ его руками; звуки были нѣжные, ясные. <...> Съ удивительной тонкостью и изяществомъ передавали они всѣ переживания и настроенія души; <...>. Иногда, неожиданно раздавался ликующий аккорд, и тутъ же, чуть успѣвъ замереть, звуки снова становились застѣнчивыми и робкими, <...>» [5, с. 131];

б) в семи контекстах представлены отсылки к знаменитым русским народным, а также авторским песням и композициям:

«Для начала, въ пику нѣмцамъ, спѣли *русскій гимнь*. Тонкія переборки не могли сдержать звуковъ, и сильной волной голоса прокатились по корридорамъ и комнатамъ. <...>

Запѣли «*Вечерній звонъ*»» [5, с. 82];

в) в двух фрагментах представлена прямая цитация песни «Из-за острова на стрежень» и русских народных частушек: «Кто-то выводилъ соло:

Изъ-за острова на стрежень,

На простор речной волны,

Выплываютъ расписные

Стенки Разина челны» [5, с. 138];

«Максимычъ бралъ гитару и начиналъ безжалостно щипать струны:

На стѣнѣ портретъ виситъ,

На одну меня глядитъ,

Это тошно, невозможно,

Безъ милого жить нельзя» [5, с. 89].

г) в шести контекстах цитируются песни на немецком языке: «Намъ вслѣдъ кричали, плевали и пѣли: «*Deutschland, Deutschland über alles...*»» [5, с. 41] (гимн Германии);

«Саперы маршировали и пѣли:

O, meine Mutter, deine Söhne

Sind gegangen nach Frankreich's Front...»» [5, с. 205] (военная песня немецких солдат).

д) в двух контекстах представлены отсылки к знаменитым оперным произведениям конца XIX века: «Оперетка начиналась прологомъ, какъ въ *«Паяцахъ»*» [5, с. 222];

«Голосомъ, похожимъ на контръ-альто, Катя, <...> поеть на мотивъ изъ *«Гейши»* <...>» [5, с. 222].

Наличие интертекстуальных элементов, отсылающих к различным проявлениям музыкального искусства (от народных частушек, песен до оперных произведений), подчеркивает значимость музыки для русских военнопленных. Прямые цитаты из русских и немецких песен, прежде всего, выполняют эстетическую, орнаментальную функцию в композиционно-структурном оформлении произведения «Плен», а также служат средством создания атмосферы полилингвального лагерного быта. Музыкальные элементы интертекста создают эффект звучания упоминаемых песен, мотивов, мелодий в сознании читателя, если он с ними знаком.

ВЫВОДЫ

Рассмотрев индивидуальные интертекстуальные элементы в структуре мемуарного произведения В. Корсака «Плен», можно сделать следующие выводы:

1) источники интертекстуальности в мемуарах разнообразны: мифологии разных народов, тексты художественной и нехудожественной литературы, исторические факты и события и т. д.;

2) элементы интертекста могут быть представлены в мемуарном произведении в различных формах: эпитафия, заглавий, аллюзий и реминисценций, во включении в текст точных и неточных цитат из других источников, в структуре метафор и сравнений и т. п.;

3) функциональная нагруженность элементов интертекста в мемуарной прозе разнообразна: усиление достоверности сообщаемого, генерализация частного опыта повествователя, установление образных параллелей, орнаментальная функция и другие;

4) интертекстуальные элементы требуют активности читателя, «ослабляют границы между адресатом произведения и его автором, определяя примерные контуры фонда их общих знаний» [7, с. 376].

Дальнейшие перспективы нашего исследования представляются в изучении интертекстуальности на материале мемуаров русских и немецких авторов с целью выявления сходств и различий типов интертекстов и их функций в мемуарной прозе различных лингвокультур.

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст] / Р. Барт – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Гагкуев, Р. Г. Взгляд на войну сквозь красных и белых [Текст] / Р. Г. Гагкуев // Русское зарубежье. Великие соотечественники: 100 судеб русской эмиграции в XX веке. – М.: Яуза-каталог, 2018. – С. 281–285.
3. Гурченко, Л. А. Славяно-русские древности в «Слове о полку Игореве» и «небесное» государство Платона [Текст] / Л. А. Гурченко [Электронный ресурс]. –
Режим доступа: <https://books.google.ru/books?id=GbGUCgAAQBAJ&pg=PT175&pg=PT175&dq=%D0%93%D1%83%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE,+%D0%9B.%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%> (дата обращения: 12.09.2018)
4. Интертекстуальность [Текст]: стилистический энциклопедический словарь русского языка / [авт.-сост.: Е. А. Баженова]; под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 104–108.
5. Корсакъ, В. Плънь [Текст] / В. Корсакъ. – Парижъ: Родникъ, 1927. – 240 с. 5
6. Кристева, Ю. С. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. С. Кристева // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – №4. – С. 5–24.
7. Николина, Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы [Текст] / Н. А. Николина. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 422 с.

8. Плен [Текст]: словарь русского языка / [авт.-сост.: С. И. Ожегов]; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: «Русский язык», 1988. – С. 423.
9. Успенский, Б. А. Поэтика композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы [Текст] / Б. А. Успенский. – М.: Искусство, 1970. – 257 с.

References

1. Bazhenova E. A. Intertekstual'nost': Stilisticheskii Entsiklopedicheskii Slovar' Russkogo Yazyka [Intertextuality: Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2006. Pp. 104–108.
2. Bart R. Izbrannie Raboti: Semiotika. Poetika [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1989. 616 p.
3. Gagkuev R. G. Vzglyad na Voinu Skvoz' Krasnikh i Belikh [A Look at the War through the Red and White]. Russkoe Zarubezhye. Velikie Sootechestvenniki: 100 Sudeb Russkoi Emigratsii v XX Veke. Moscow: Yauza-katalog Publ., 2018. Pp. 281–285.
4. Gurchenko L. A. Slavyano-Russkie Drevnosti v «Slove o Polku Igoreve» i «Nebesnoe» Gosudarstvo Platona [Slavic-Russian Antiquities in the The Tale of Igor's Campaign and the Heavenly City-State of Platon]. Available at: <https://books.google.ru/books?id=GbGUCgAAQBAJ&pg=PT175&lpg=PT175&dq=%D0%93%D1%83%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE,+%D0%9B.%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0> (accessed 12 September 2018)
5. Korsak V. Plen [Captivity]. Paris: Rodnik Publ., 1927. 240 p.
6. Kristeva Yu. S. Bakhtin, Slovo, Dialog i Roman [Bakhtin, Word, Dialogue and Novel]. Dialog. Karnaval. Khronotop. 1993. Vol. 4. Pp. 5–24.
7. Nikolina N. A. Poetika Russkoi Avtobiograficheskoi Prozi [Poetics of Russian Autobiographical Prose]. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2002. 422 p.
8. Plen: Slovar' Russkogo Yazyka [Captivity: Russian Dictionary]. Edit. S. I. Ozhegov. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1988. P. 423.
9. Uspenskii B. A. Poetika Kompozitsii: Struktura Khudozhestvennogo Teksta i Tipologiya Kompozitsionnoi Formi [Poetics of Composition: The Structure of a Literary Text and Typology Compositional Forms]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 257 p.

**AUTHOR'S INDIVIDUAL INTERTEXT ELEMENTS IN THE STRUCTURE OF
RUSSIAN MEMORIAL PROSE
(ON THE MATERIAL OF V. KORSAK'S PIECE OF WORK «CAPTIVITY»)**

Kovalenko K. I.

The genre designation of a work is its text marker, since the genre for the author serves as a kind of canon or creative model, representing the totality of the main (nuclear) components, characteristic and reproducible in the structure of various texts of the same genre. In our opinion, the intertextual nuclear elements of the memoir genre should include letters, documents, diary fragments, other people's stories. So, first of all, the intertextual components are associated with the documentary character of memoir prose and its installation on authenticity. However, using the genre potential when creating a work, each author often gives it an individual character. This article examines one of the works of memoir genre — Capture by V. Korsak in the aspect of functioning in it of the individual-author elements of the intertext.

Keywords: memorial genre, intertextuality, individual-author characteristics, allusion, intermedial connections.